

ДМИТРИЙ ФЛАМИН

Останутся только сказки

СБОРНИК СТИХОВ

Дмитрий Фламин

**Останутся только
сказки. Сборник стихов**

«Издательские решения»

Фламин Д.

Останутся только сказки. Сборник стихов / Д. Фламин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939346-3

В сборник вошли специально отобранные стихи московского поэта Дмитрия Фламина в промежутке с 2010 по 2018 год. Публикуется впервые. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-939346-3

© Фламин Д.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
ЧАСТЬ I	7
СЕВЕРНЕЕ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ	7
АВТОЗАК	8
АНЕСТЕЗИЯ	9
ОБЛАКА	11
НЕ СПРОСИЛИ	12
АМЕРИКА	13
МЁРТВЫЕ В ОКОПАХ	14
БАРДО ТХЁДОЛ	15
КУХНЯ	17
МОСКОВСКАЯ НОЧЬ	18
ТОСКА	19
НАЗГУЛЫ ПРОМЗОНЫ	21
ПОЖЕЛАНИЕ	25
ТОЧКА	27
ЧАСТЬ II НА ВЕРШИНАХ ТАНГОРОДРИМА	29
ТАНГОРОДРИМ	29
ЧАСОВОЙ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Останутся только сказки

Сборник стихов

Дмитрий Фламин

© Дмитрий Фламин, 2018

ISBN 978-5-4493-9346-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Эта книга представляет собой сборник очень разных моих стихов за разные годы.

Общий посыл их находится в их удивительной, но очень важной для меня червоточине.

В таком разном и сложном, часто пустом и беспросветном мире только щемящее чувство сказки и важность выхода за расколдованный мир обратно, туда, где мир полон тайн и истинных замыслов, глубоко пересобирают душу.

За всем наносным, за всей глупостью, за всей фальшью, за всей несправедливостью и скоротечностью останутся только сказки, что взрастят правильные плоды и дадут окрепнуть могучему человеческому духу.

Среди цифровой выжженной пустыни, уничтожив, разложив на атомы старое, они выкуют сталью стремлений ту самую дерзость придумать мир таким, каким он должен быть.

Я не пацифист. В эпосе нет места слабым.

Сказка – это война. И победят в ней только присягнувшие древнему солнечному багрянцу вместо мира гнилых витрин. Если враг не сдаётся – его уничтожают.

Желать сказку, жаждать её с большой буквы, тосковать о ней как узник своих каждодневных дум – всё это под силу только тем, кто сберёт это жжение в самом своём нутре.

Так пусть же внутреннее непременно пересилит внешнее!

P.S. Все эмоциональные образы и суждения, которые присутствуют в этой книге, являются **исключительно личным мнением автора** и не несут пропаганды разжигания ненависти, а также оскорбления чувств по отношению к какой-либо группе и какому-либо объекту. Возможное несогласие с автором, а также любая оценка произведений являются **исключительно вашим личным впечатлением**.

В любом случае будет интересно!

Время плыть по волнам беспросветного оптимизма!

Искренне Ваш

Дмитрий Фламин

ЧАСТЬ I СЕВЕРНЕЕ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ

СЕВЕРНЕЕ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ

Севернее Северной Кореи
Распахнут свои стальные двери
Городов курганы и купели.
Севернее Северной Кореи.
Севернее Северной Кореи...

Севернее Северной Кореи
Русские свистящие метели
Песни сложат, будто менестрели.
Севернее Северной Кореи.
Севернее Северной Кореи...

Севернее Северной Кореи
Песни о бескрайнем заповедье...
В них знамёна в небе гордо реют,
Алых звёзд горит священный трепет,

И от сказок слышится добрее
Замогильный шёпот мавзолея
Севернее Северной Кореи.
Севернее Северной Кореи...

Чтобы нам отправиться скорее
Севернее Северной Кореи,
На замок не запирая двери,
Вместе с незаправленной постелью,

Недобитой взмокшей самокруткой
И по трассе мчащейся маршруткой...

Мы сбережём напутствие:
Чтоб однажды в душе твоей куцей
Север, мой добрый друг,
Добела вычистил юг...

И тогда свои стальные двери
Распахнут курганы и купели
Севернее Северной Кореи.
Севернее Северной Кореи...

АВТОЗАК

Автозак, летящий в вечность, —
Шум колёс, мотора хрип...
В даль, где шепчет бесконечность,
Он устраивает трип.

Смысл скалит человечность:
Радость – миг, а боль – в века!
Автозак, летящий в вечность,
Рассекает облака.

За туманом дальней дали
Хоровод ведёт беспечность.
К ней спешит, сверкая сталью,
Автозак, летящий в вечность.

И улыбок быстротечность,
И костер упрямых глаз.
Автозак, летящий в вечность,
Чью-то душу снова спас.

Вновь начало ждёт конечность.
Воскресеньем бьётся крик.
Автозак, летящий в вечность,
Вечность превращает в миг.

АНЕСТЕЗИЯ

Коли живёшь в России —
Живи без анестезии.
Сначала немножечко асфексии,
Но попробуй без всякой агрессии:

Не вой волком.
Не зри вороном.
Просто умолкни.
И с твёрдым норовом,

Потихоньку,
Да с мягким гонором,
Чуть да чуточку,
Ясным соколом...

Снимай её.
Отключай её.
Такой невозбранный кайф —
Будто у бездны видишь исподнее.

В общем, уймись и отбрось.
Наших широт не красит
Эта брезгливая слизь
Вечного одночасья.

Карьеры, курьеры, клетки.
Родственный трупный запах.
Свадьбы, поминки, предки.
Расхлябанный дух поддатых.

Не верь лупоглазым дурням —
Попам, клопам, депутатам,
Не верь размалеванным шкурам,
Ни Цезарям, ни Пилатам.

Ни римским легионерам,
Ни нашей опричной братьи,
Мерцающим соглядатаям
И государевой стати.

Хмелеющим Смердяковым,
Жиреющим доброхотам,
Лакеям со словом «добрым»,
С их «ласковым» взглядом знакомым.

Одна внепригляд дорога.
Одна ненасытна полночь.
И эту основ основу
Бойтся любая сволочь.

Русская хлябь весенняя,
Да на безбожье распутство...
Просто помни: жизнь без анестезии —
Самое выдающееся искусство.

ОБЛАКА

Облака всё также вдаль летят.
Мы не знаем, что они хотят.
Еле слышен их дождливый плач,
Если слух немножечко напрячь.

Облака всё также вдаль летят,
Будто бы с тоской кому-то мстят.
Еле виден сквозь усталый блик
Мягкий танец облачных туник.

Облака всё также вдаль летят.
Знаешь, никогда им не простят
Этот лёгкий, но тоскливый путь.
Облака нам не дают уснуть.

Облака нам не дают уснуть.
Мыслей паутину не сомнуть:
Отчего же вдаль туда летят?
Облака молчат. Не говорят.

Свой обет трагически влачат.
Серым днем стоически молчат.
Правда, слышен их дождливый плач,
Если слух немножечко напрячь...

НЕ СПРОСИЛИ

Грозным забором запретных усилий,
Мнительным возгласом гневных орудий
Самого главного вы не спросили:
«Зачем же живут на свете те люди?»

Зачем же живут на свете те люди,
Кто руку приподнял во мраке молчанья?
И будто Сизиф к твердокаменной гряде
Снова поднялся, сверкая плечами...

Зачем удивительно прямы их взоры?
Как будто в боязни, плеская сомненья,
Семенем входят в родные просторы,
А урожаем гребут поколенья!

Кто-то от гордости с детской щедростью
Смог вопреки, когда вы запретили,
Силой, терпеньем, великою дерзостью
Оспорить планету...

Но вы не простили!

Сжимающих время строчек поэту!
И тайна ученого вам не раскрыта!
Солдатская грусть предрасстрельного света
Вам кажется вовсе скупа и избита.

Наверно, предвзято, обрывисто где-то...
Но может, и вправду века колесили,
Чтоб сытые люди, прилично одетые,
Под рюмку и закуску это спросили?

И так улыбались,
И так веселились...
И, речи сплетая в их адрес,
Кокетливо согласились...

Впрочем, они не заморачивались.
Они просто не спросили.

АМЕРИКА (СВИДРИГАЙЛОВА ФАНТАЗИЯ)

Растопим баньку.
Замутим гулянку.
Клопы и каморка,
Водка, махорка...

И после вечернего панегирика,
Когда из души выйдет лирика
Мелочной лжи и истерики,
Мы полетим в Америку!

Там, где ни брода, ни берега,
Мы полетим в Америку...
Аркадий Иванович встретит
Нас непременно с беленькой...

Нас, может, даже покажут по телику,
Когда мы уедем туда, в Америку!

Растопим там баньку.
Замутим гулянку.
Клопы и каморка,
Водка, махорка...

Там, в забыты новоселий
И новых химических зелий,
Живут среди районов панелек
Граждане Загробных Америк

Им даже не надо денег.
И каждый из них – подельник.
Заложники гиблой мечты,
Достигнув могильной плиты,

Растопят там баньку.
Замутят гулянку.
Клопы и каморка,
Водка, махорка...

Аркадий Иваныч всех встретит.
Аркадий Иваныч всех встретит!
Встретит, как Гэндальф, с фейерверком...

МЁРТВЫЕ В ОКОПАХ

Мёртвые в окопах застали мхом,
Осенью мрачнели в забытии глухом...
Похмелялись снегом, лютою зимой
Сгнили все одежды с яркою тесьмой.

Гулко воронята кружат да поют,
Год за годом скачет, у солдат уют:
Под бескрайним небом сладостен приют —
Никого не ищут, никого не ждут.

Мёртвые в окопах!
Мёртвые в окопах!
Мёртвые в окопах!
Мёртвые в окопах!

Ветерок резвится, пляшет невпопад.
По весне гарцует, танец нарасхват...
Только мёртвым чужды и подъём, и спад.
Мёртвые в окопах беспробудно спят.

БАРДО ТХЁДОЛ

** (см врезку – «Бардо»)*

Бежать без оглядки вдаль.
Лихо стряхнуть всю пыль,
Чтоб в неземную сталь
Слита была вся быль.

Точных отрезков часть
Смерят во тьме часы.
Каждой минуты власть
Слепит по нам весы.

Почувствуй своё бардо.
Живо ли иль мертво,
Прямо ль идёшь на плато —
Своё разбуди нутро.
Прочувствуй своё бардо.
Вечность не знает УДО.

Бежать без оглядки вдаль.
Насилу грызть до кости
Деяний подсудных табель
И грёз, что уже не спасти.

Трогать осенним утром
Скитаний небесных клеть.
На свете не знает мудрый,
О чём было б стоит жалеть.

Почувствуй своё бардо.
Живо ли иль мертво,
Прямо ль идёшь на плато —
Своё разбуди нутро.
Прочувствуй своё бардо.
Вечность не знает УДО.

* Бардо в буддизме – это «промежуточное состояние» между различными проявлениями сознания.

Чаще всего имеется в виду Бардо Процесса Умирания – интервал между моментом,

когда некто начинает серьёзно болеть приводящей к смерти болезнью или умирать, и моментом,

когда имеет место разделение ума и тела.

«Бардо Тхёдол», или «Тибетская книга мёртвых» – тибетский буддийский текст, подробно описывающий процесс посмертного опыта.

КУХНЯ

Чернокнижных кухонь долгий разговор.
Лунный свет чеширский скалится в упор.
И скрипит уныло наш дверной затвор.
Дым табачный вводит философский спор.

Сколько в мироздании нераскрытых тайн?
Сколько долголетия стоит жизни займ?
Стопку горькой водки услаждает лайм
И на все вопросы отвечает: «Nein!»

От бессмертья темы до любви большой
Слушай разговоры, не криви душой.
«Ролтон» остывает со свиной лапшой.
Тема переходит про правшу с левой.

Сколько б ни растратил суетливых сил,
Сколько пьянок звонких ты б ни пропустил,
В кухонных забвеньях не нашел посыл.
Юных глаз огарок тихо подостыл.

За окном сугробы – нету ни души.
В кухонных чертогах лучше не спеши.
Всю мечту о звёздах тихо опиши.
Сigaretкой с другом мягко пошурши.

Воздухом морозным зазывает мир
Поглощать прекрасный будущий эфир.
Небо спит спокойно, как большой сапфир,
Зевом охраняя наших кухонь ширь.

МОСКОВСКАЯ НОЧЬ

Я стою у окна в пустобдены
И врастаю в московскую ночь,
Будто зритель её представленья,
Где сливаются желчь да щелочь.

Зев проспектов, да тремор окраин,
И промзон театральный туман.
Тяжкий воздух устало засален
Чередой непрожитых драм.

Полнолуние холодных софитов
Освещает кружащийся такт
Иномарок и гул общепитов
Во единый клубящийся тракт.

Где скорбит многозвучие парков
В платье первой осенней листвы
О засилье табачных огарков
Да озябших бездомных, увы.

Многословно её безразличье,
Так прохладна актёрская длань.
На подмостках без знаков отличья
Однозычна крикливая брань.

О, как трепетен миг расставанья
Для проросших в московскую ночь!
Сон – прекрасный предлог для прощанья,
Чтоб унять лицедейскую горечь!

ТОСКА

Иногда нападает тоска —
Будто девица черноволосая
Гладит мои виски,
И космы ее прекрасные
Касаются нежных сосков
Так ласково и подобострастно
Ночью, не знающей снов.

Гладит виски чуть боязно,
Чтоб не нарушить покров
Самой своей оснастки...
Такая судьба у тоски —
Будто бы треплет властно,
А сама жалко скулит
Собакою перед лордом
И вяжет за рифмой рифму
Еле слышным елейным аккордом.

Такой беспробудной жалости,
Такой невозбранной пошлости,
Но это та самая малость,
Что не оставит и места оплошности.

Я закрываю ей веки
И, будто погибшей избраннице,
Шёпотом смертной патоки
Тихо молвлю проказнице:

«Ты светишь лишь мёртвым лицам.
Тебе ли лобзать живое?
Ступай, я люблю тебя, девица.
Но больше люблю такое,

Когда, ниспадая в полночь,
Ты, унося вопросы,
Скроешься с шумом в сумрачи...
Я выйду навстречу угрозе

Того душевного мрака,
Цельного дна и покоя...
В общем, когда я во фраке
Приду танцевать с тобою...

С тобой танцевать как хозяин!
И снова рука за рукою —

В вальсе я властелин,
А ты лишь глаза прикроешь...

Целуешь...
И я снова один.
Целуешь...
И я снова один.
Поэтому просто уйди.
И я снова останусь один».

НАЗГУЛЫ ПРОМЗОНЫ

Скачут кони,
Чёрные кони.
У промзоны
На небосклоне...

Скачут кони,
Чёрные кони.
Дымом заводским
Нас куда-то гонят...

Скачут кони,
Чёрные кони.
Всадники их
Все слышат и помнят.

Скачут кони,
Чёрные кони.
И копыта
По небу трезвонят!

Скачут мои нежные,
Скачут мои ласковые —
Витязи прилежные,
Братья седовласые.

Назгулы промзоны —
Стражи потаённой Русской стороны.
Назгулы промзоны —
Призраки грядущей Гражданской войны!

Назгулы промзоны,
От крови пьяны —
Призраки последней
Гражданской войны!

Будто когти кошечки,
В их карманах ножички,
Засверкают лезвия —
Клать, клать!

На кривой дорожечке
Ночью у окошечка
Тьма да повылезла,
Глаз не видать!

Зла и недолюблена,
Степь неуютная...
Эй, не спи, угрюмая!
Вахтерша-страна...

Головы да об стол,
В забытьё так просто
Всадники размажут,
Мать Родна!

Ядом измождённая,
Блокпостами срытая,
Жадно похотливая
Паучиха-Русь!

Братья седовласые,
Эх, позабавятся,
С тобой позабавятся,
Смотри не трусь!

Засверкают ножички!
Ночью да под рёбрышки!
Ласковые мои,
Моргульские хорошие!

Засверкают ножички!
Ночью да под рёбрышки!
Завизжат воробушки,
Ни дать ни взять!

А ножей владельцы,
Седые умельцы,
Такие хитрецы,
После сядут пировать!

Эгегей, братцы!
В такой околесице...
Нам ли вешаться?
Нам ли вешаться?
Веселей, луна-пересмешница!
Будем пить,
Будем гулять!

Братья!

В решающей битве
Пусть главной молитвой
Назло всем подонкам
Гнильно-елейно сытым,

Самым злобным
Вороньим выкриком
Пусть выступят наши проклятья!

Так тому и бывать!
Да здравствует черная рать!
Да здравствуют наши проклятья...
Двум смертям не бывать,
А одной...
Лишь только на небе чуть слышно опять...

Тук-тук...
Цок-цок...
Тук-тук...
Цок-цок...
Тук-тук...
Цок-цок...
Тук-тук...
Цок-цок...
Это грядет ваш рок...

Скачут кони,
Чёрные кони.
У промзоны
На небосклоне...

Скачут кони,
Чёрные кони.
Дымом заводским
Нас куда-то гонят...

Скачут кони,
Чёрные кони.
Всадники их
Все слышат и помнят.

Скачут кони,
Чёрные кони.
И копыта
По небу трезвонят!

Скачут мои нежные,
Скачут мои ласковые —
Витязи прилежные,
Братья седовласые.

Назгулы промзоны —
Стражи потаённой Русской стороны.
Назгулы промзоны —

Призраки грядущей Гражданской войны!

Назгулы промзоны,
От крови пьяны —
Призраки последней
Гражданской войны!

ПОЖЕЛАНИЕ

Из всех своих пожеланий
Я выбрал бы то, что, прощаясь,
Люди бы жаждали знание
О том, что лишь глупая грязь,

Всего лишь осенняя грязь —
Препятствие к новой встрече...
И скоро грядёт та зимняя сладость,
Что сгладит противоречие.

Возможно, что эта встреча —
Отчаянный бред безумца.
Он ищет, роняя свечи,
Место, куда бы вернуться.

И эта одна презумпция
Ему и сулит покой.
Я знаю, среди вольнодумцев
Выделил б тип такой:

Кто объявляет тенденцию
В месте, где лишь возможность,
И с жаром жестокой рефлексии
Он снова вершит оплошность.

И всё же эта уверенность
Ярче любых нажив.
Горит его пылкая ненависть,
Что, не предав, иссушит —

Но будет в итоге лучше.
Но будет в итоге чище.
В мире, который бездушен,
Праведно лишь огнище.

И я думаю, что, прощаясь,
Люди хотели бы знания,
Что это всего лишь данность,
Что сквозь пустоту страдания

Будет новая встреча...
Все ищут только себя.
И сколько б ты ни был беспечен —
Помни зубами скрипя:

В мире, что обречён,
Ни страх, ни любовь, ни вера
Тебе не подставят плечо!
На смену любым химерам

Из всех смешных пожеланий
Выбери то, что, прощаясь,
Люди бы жаждали знание,
О том, что лишь глупая грязь,

Всего лишь осенняя грязь —
Препятствие к новой встрече...
И скоро грядёт та зимняя сладость,
Что сгладит противоречие

Встречи с самим собой...
Под ласковый снежный покров.

ТОЧКА

И вновь я услышал из древних глубин
Тот ужас, когда был оставлен один
Наш маленький возглас в смиряющей тьме,
Что тихо шептал о тебе, обо мне...

О всех нерождённых и скованных в сон,
О тех неприметных и глупых основах,
Что, может быть, даже мы все не знали
И так друг за дружкой затылком кивали

В вечность. Она представлялась
Нам маленькой точкой.
Ты увидишь её тотчас,
Когда перестанешь быть оболочкой,

Став оголённой проволокой.
Тугими ударами резко порвав волокна.
Так быстро и так разорванно.
Выпустив ввысь весь

Свой электрический импульс,
Ты больше не сможешь проснуться,
Мой милый прекрасный нарцисс —
Ведь свет не пройдёт сквозь окна.

Тебе лишь останется выстоять.
Или в неё упасть.
Когда ничего не останется,
Ты просто попробуй стоять.

Времени уже не будет.
Будет лишь твой приказ,
Ты и точка. Ты и точка.
Будды шершавый глаз

Скажет предельно точно,
Когда иссохнет твоя оболочка
Всего твоего приплота:
Ветхая дрянь, шелуха, мокрота,

Липкой жижи от жизни, судьбы
И всего продолжения рода.
Вот эта возня-размазня...
Всё, что сокрыто ночью.

Пойми, после всех «за» и «нельзя»
Останется только точка.
Останется только точка.
От патрона стальная коробочка.

Ей всё дозволено!
Ей всё подвластно!
Ей всё безразмерно!
Ей всё немислимо!
Вообще ВСЁ!

Во веки веков так просто
И ныне и присно
Тебя приласкает воистину
Великая бездна-мать.

И огненно-дерзкий,
Со всеми грехами мира,
Как демон порочный,
Ты будешь пред нею стоять.

Так тому и бывать.
Так тому и бывать.
Так тому и бывать...

Нет уз священной
Нет уз прочней.
Не бывает пут жёстче.
Ты победишь её.

Потому что ничего кроме этого
Нигде никогда и не было,
И в общем, скажу по секрету,
Даже не происходило.

ЧАСТЬ II НА ВЕРШИНАХ ТАНГОРОДРИМА

ТАНГОРОДРИМ

** (см врезку – «Тангородрим»)*

Там, на вершинах Тангородрима!
Там, где на пиках сталь исполина!

Веет моя прохлада.
Реет моя награда.

Верного.
Простого солдата.
Смертного.
Мелькорова брата.

Там, на вершинах Тангородрима!
Там, на вершинах Тангородрима!

Там, на вершинах Тангородрима!
Там, где на пиках сила былинная!

Гневно моё воззвание.
Древнее напоминанье.

Ничто не отпустит холод.
Ничто не ослабит хомут.

Верного простого солдата!
Смертного Мелькорова брата!

Там, на вершинах Тангородрима!
Там, на вершинах Тангородрима!
Там, на вершинах Тангородрима...
Там, на вершинах Тангородрима...

Там, на вершинах Тангородрима!
Там, где на пиках острые клинья!

В небе гудит опасность!
Крепнет великая радость!

Крепнет тёмная радость!
Не ослепнет Мелькорова гордость!

Не сломят мою твердыню!
Не сгонят её полнолуние!

Только острые клинья!
Только её безумие!
Великое.
Дерзкое!
Безумие крика!
Барлогова отпрыска.
Барлогова отпрыска!

Там, на вершинах Тангородрима!
Там, на вершинах Тангородрима!
Там, на вершинах Тангородрима...
Там, на вершинах Тангородрима...

Верного!
Простого солдата!
Смертного!
Мелькорова брата!

Там, на вершинах Тангородрима!
Там, на вершинах Тангородрима!

Простого солдата.
Неизмеримого.
Кормлёныша верного.
Тангородримова...

* Тангородрим в легендарии Толкина – это огромная искусственная трёхглавая гора, возведённая Мелькором над входом в свою крепость Ангбанд на северо-западе Берелианда.

ЧАСОВОЙ

Бдит часовой у крепости,
Глаз вороных не смыкая,
Только к далёкой волости
Дума плывёт гнедая...

Только к далёкой волости,
Там, где накрыли тучи,
Ясно стремится гончая
Помыслов остро-жгучих.

Где-то в закатной темени
Будто огнями плещутся
Вражьи палатки, терема
И соглядатаи мечутся.

Будто бы так тревожно,
Водичей никак не насытится —
Чувствует, как под кожей
К сече готовность близится.

Как же моя там девица?
Спишь ли, моя родимица...
Мысль чуть переменится,
И снова тревога усилится...

Как далека красавица...
Нет никакого шанса,
Чтобы да с ней обняться,
У часового юнца.

Берёзка чуть к небу вздыбится,
Слеза по щетине скатится...
Так и до самой зарницы
В ночь паренёк все пялится...

Тише воды притаится,
С ветром на «ты» братается.
Богу ль ему молиться?
Черту ль в подол раскланяться?

Русская степь да вольница...
Сторожки глухой граница.
Так нестерпимо колется
Луна, будто к шее виселица...

Душа трепеталась ивушкой,
Сердце всё вдаль зывало...
И всё же назло одышке

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.